

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 821.161.1

Т.В. ПУДОВА,

*доктор филологических наук, профессор
кафедры российского литературоведения Института нефилологии
Академии Поморской в Слупске (Польша)*

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК»: РЕТРОСПЕКТИВА ОБРАЗА

В статье исследуется генезис образа «маленького человека» в русской литературе. Определяются характеристики образа «маленького человека» как вневременного, вненационального литературного типа. Анализируется специфика данного образа в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова.

Ключевые слова: образ «маленького человека», литературный тип, психологический тип героя, романтическая традиция.

Почему писатели не перестают обращаться к образу «маленького человека»? Здесь имеется несколько причин. Во-первых, гораздо интереснее наблюдать за слабым человеком, который чего-то хочет, но по разным причинам не достигает результата. Этот конфликт человека и обстоятельств является всеобъемлющим, включающим в себя множество более частных конфликтов. Это могут быть и социальные условия, тогда конфликт наполняется конкретным общественным смыслом. Может быть столкновение человека с непреодолимой силой обстоятельств, и тогда конфликт приобретает экзистенциальный характер. Конфликтная ситуация может создаваться и в результате борьбы амбиций внутри «маленького человека», не соответствующих его реальным личностным возможностям. В таком случае возникает психологический конфликт. Возможны и противоречия между нравственными установками, впитанными с детства «маленьким человеком», и необходимостью поступать вопреки им. Это порождает этический конфликт. Универсализм образа «маленького человека» как раз и заключается в том, что он может быть выразителем многообразных жизненных конфликтов и ситуаций. «Маленький человек» интереснее сильного героя, всегда одерживающего победу, потому что в герое уже израсходован тот предельный потенциал, который дремлет в «маленьком человеке».

«Маленький человек» находится вне времени, потому что «маленькие люди» живут вокруг нас в повседневной жизни, в будничных обстоятельствах, а герои либо жили в далеком героическом прошлом, либо для проявления своего героизма нуждаются в специальных обстоятельствах. Более того, «маленький человек» сидит в каждом, только у одних он «придушен», у других – «притушен».

«Маленький человек» – это не национальный тип. Он существует в разных странах и у разных народов. Такой тип можно найти в творчестве француза Альбера Камю, австрийца Франца Кафки, норвежца Кнута Гамсуна и других. Значит, актуальность образа «маленького человека» связана с его всеобщностью, вневременностью, национальной неприкрепленностью, то есть внешними, внелитературными факторами.

Образ «маленького человека» в русской литературе появился еще в эпоху сентиментализма, для которого было характерно четкое разделение героев на положительных и от-

рицательных. Но изображение «маленьких» людей было эпизодическим. Примером изображения «маленького человека» в сентиментальном ключе может служить произведение Николая Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Писатель показывает, что в душе простого человека тоже может родиться большое чувство, что он, как и представители высших слоев общества, может бескорыстно любить, радоваться, страдать и переживать, готов к самопожертвованию, то есть он такой же человек, как и другие. Слова «и крестьянки чувствовать умеют» становятся отражением демократического пафоса сентиментализма.

Как известно, к теме «маленького человека» в русской реалистической литературе первым обратился А.С. Пушкин. Пушкинский Евгений из «Медного всадника» стал прообразом «маленьких людей» Гоголя. «В истории пушкинского героя можно различить своеобразные «завязи» двух гоголевских сюжетов. В «Медном всаднике» герой сходит с ума, внезапно утратив свое единственное «бедное богатство». Не таков ли один из главных сюжетобразующих мотивов «Записок сумасшедшего»? В «Медном всаднике» мелкий петербургский чиновник сталкивается с безличными силами природы и государства и погибает в этом столкновении, никем не оплаканный, никому не нужный. Не таков ли сюжетный стержень гоголевской «Шинели»? [1, с. 89]. Но, если пушкинский Евгений, несмотря на авторскую иронию, касающуюся романтических черт героя, в читательском сознании вызывает однозначное сочувственное восприятие, то гоголевский образ «маленького человека» разрушает пушкинское гармоничное видение мира. Позаимствовав у Пушкина этот образ, Гоголь развивает его иначе, подвергнув «сильной символической трансформации». Гоголь заставляет читателя раздваиваться между жалостью и пренебрежением. «Маленький человек» вызывает противоречивые ощущения. Гоголевские герои также не лишены романтических черт, но автор намеренно помещает их в подробности обыденной, повседневной жизни, (как раз этого нет у Пушкина), а сами эти романтические черты травестируются: Евгений испытывает любовь к женщине и мечтает создать с ней семью, любовная мечта Башмачкина овеществляется, место женщины занимает шинель. Наделяя своих героев романтическими чертами, Гоголь вступает в «своеобразную полемику с романтизмом», и таким образом преодолевает его. «Гоголь обнаруживает освященное романтической традицией высокое содержание там, где присутствие такого содержания не предполагалось или было вовсе исключено» [1, с. 88].

Впервые в центр повествования «маленький человек» был поставлен А.С. Пушкиным. В «Станционном смотрителе» (1831) самым важным является «незаметная трагедия покинутого отца» [2, с. 15]. Эта повесть стала родоначальником новой фабулы, которая получила название «фабулы об ограблении бедняка», центральное место в ней отведено «бесильному бунту ограбленного против необоримых обстоятельств» [2, с. 15].

«Медный всадник» стал развитием и развертыванием данной фабулы. Пушкин называет поэму «петербургской повестью», таким образом определив важную роль Петербурга для раскрытия этого образа. У Пушкина конфликт развивается не между героем и стихией, где Петр Первый символизирует организующую силу прогресса (для Петра наводнение было принято как условие: жертвы входили в расчет его победы), а между «кумиром» и «маленьким человеком». В этой оппозиции памятник Медному Всаднику выступает как символ губительной стороны того же прогресса. Стихия, наводнение, противостоит «маленькому человеку» и вместе с кумиром составляет ту силу, которая и приводит его к гибели.

«Медный всадник» и «Станционный смотритель», несмотря на различие реалий, образуют фабульный инвариант, давший начало традиции. Сюжет строится по одной и той же схеме: мечта о счастье, внезапный удар судьбы и незаслуженная катастрофа; трагическое одиночество героя среди равнодушного мира, безумный бунт, отчаяние и гибель [2, с. 16]. Самое главное, на чем сконцентрировано внимание автора, – состояние лишённости, утрата, когда похищено любимое существо, являющееся смыслом жизни.

Гоголь строит свою повесть «Шинель» по пушкинской фабуле, но место любимого человека занимает вещь, которая становится смыслом жизни, происходит овеществление человека. В этом основное отличие гоголевского взгляда на тему «маленького человека» от пушкинского, что дает нам право говорить о гоголевской традиции образа «маленького человека».

Гоголь показывает сверхценность вещи, шинели, переход личности «маленького человека» в предмет обладания. Именно в этом проявляется его авторская позиция: «ибо Го-

голь не просто перевел фабулу из сферы философской символики в сферу быта, но и произвел сильную переакцентировку, а в «фантастическом анекдоте» финала – инверсию субъекта и объекта действия» [2, с. 17]. Гоголевский Башмачкин после смерти бунтует против бюрократической дьяволиады.

Поэма Пушкина и повесть Гоголя имеют одну локализацию – Петербург, но их миры различны: у Пушкина это трагически прекрасный город, у Гоголя – абсурдно-нелепый и преступный мир. Для Гоголя Петербург – это не город Петра, построенный исходя из государственной необходимости, это обман, мираж, он видит в подавлении человека лишь дьявольски наглое издевательство. Постоянная тема Гоголя – это демонизм пошлости.

Гоголевская трактовка фабулы и темы «маленького человека» в «Шинели» – антипушкинская, а соединение самого пошлого быта с фантастикой предвещает абсурд в литературе XX в. Стихия, наводнение заменено социальным злом, которому придается абсурдно-издевательская форма.

У Гоголя «маленький человек» ограничен не только социальными условиями, но и духовно, его душевные стремления примитивны, он хочет жить спокойной жизнью, в которой не будут происходить никакие перемены, любая перемена, даже в лучшую сторону, выбивает его из привычного течения жизни и заставляет нервничать, задумываться, а именно этого и не желает Башмачкин. «Существование Акакия Акакиевича подается как монотонный набор однотипных ситуаций и шаблонных действий. В башмачкинском мире не происходит никаких событий. Исключение составляет эпизод с начальственной попыткой повысить служебный статус Акакия Акакиевича, поручив ему «что-нибудь поважнее, чем обычное переписывание». Из этой попытки ничего не выходит, и сюжетно она предвещает катастрофу героя» [3, с. 84].

Не заботится «маленький человек» и о своем внешнем виде, который является отражением чувства собственного достоинства в человеке. «Внешний же мир абсолютно чужд Башмачкину <...> Контакт с окружающей сферой приводит к недоразумениям и конфликтам <...> Лишенный друзей и «общества», помещенный в замкнутый круг самости, Башмачкин является своим собственным другом и собеседником» [3, с. 85].

Гоголь пишет о Башмачкине: «Вне этого переписывания, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какой-то рыжевато-мучного цвета. <...> Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице <...> Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки» [4, с. 145].

О громадном влиянии творчества Гоголя на последующую русскую литературу свидетельствует общеизвестная фраза: «Все мы вышли из гоголевской Шинели». Продолжателем и наследником темы «маленького человека» является Ф.М. Достоевский, в «Бедных людях» (1845) он обращается к «Станционному зрителю» и «Шинели», что говорит о сознательном и продуманном использовании традиции. Достоевский опирается на гоголевский синтез фантастики с гиперболизированной пошлостью, но при этом восстанавливает пушкинское осмысление темы: Макар Девушкин, будучи типичным гоголевским героем, требует к себе обращения «по-пушкински» [2, с. 18].

Для Достоевского, в отличие от Гоголя, важен, прежде всего, внутренний мир «маленького человека», поэтому «Бедные люди» написаны как роман в письмах, что позволило писателю передать и показать все движения души и переживания своего героя, увидеть в нем личность в полном смысле этого слова. Но из-за своего униженного положения в обществе главными чертами личности «маленького человека» становятся самоутверждение и сильно выраженная амбициозность. Такие люди очень ранимы, им страшно, что другие могут не заметить в них духовно богатую личность. У Достоевского «маленький человек» живет идеей осознания и утверждения собственной личности, у Гоголя все иначе, хотя живут «маленькие люди» обоих писателей в одинаковых социальных условиях.

Традиционная трактовка образа маленького человека как существа униженного, смиренного, оскорбленного характерна для литературной традиции XIX в. Этой трактовкой Башмачкин ставится в один ряд с пушкинскими «маленькими людьми» Семеном Выриным, Евгением и Макаром Девушкиным Достоевского.

Развитие образа «маленького человека» находит место в творчестве А.П. Чехова.

Чеховский Беликов, человек в футляре, наследует определенные черты гоголевского «маленького человека». Этому посвящена статья М. Эпштейна «Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова». В работе указаны черты сходства, объединяющие персонажей Гоголя и Чехова, хотя на первый взгляд может показаться, что между ними нет ничего общего. Но даже уменьшительный суффикс «к» в фамилии Беликова говорит о какой-то его «маленькости», подобной «маленькости» Башмачкина. Сходно и описание внешности. Башмачкин – «низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат» [4, с. 141]. «Маленький, скрюченный» Беликов носит темные очки и постоянно прячет лицо в воротник. «И внешность их, и образ жизни – сама серость, стертость, бесцветность, боязливость, отчужденность от всей окружающей действительности. Оба стараются скрыться в иной, стерильно-отвлеченный мир, которым, как футляром, отгораживаются от современности. Оба как будто еще не родились на свет, не вступили в настоящую, взрослую жизнь, и поэтому главной заботой и темой их существования является вторичная материнская утроба – шинель, оболочка, футляр, которые оберегали бы их от сурового климата и всех превратностей внешнего мира» [5]. Оба персонажа приблизительно в одном возрасте: Башмачкину за пятьдесят, Беликову далеко за сорок.

Схожи и их профессиональные занятия. Один – чиновник-переписчик, укрывающийся от действительности за переписыванием и любовью к буквам. Другой – учитель гимназии, но учитель древнегреческого языка, языка мертвого, который так же, как переписывание, помогает уйти от действительности. Оба ведут почти аскетический образ жизни, оторванные от внешнего мира, от общения с другими людьми. Гоголевский Башмачкин косноязычен, чеховский Беликов хотя и умеет красиво говорить, все же предпочитает молчать.

Судьбы героев развиваются параллельно, но вдруг появляется мечта обзавестись «подругой жизни». Это нарушает привычный ход жизни и неизбежно ведет к развязке – к крушению мечты. Сцена ночного ограбления Акакия Акакиевича, утери новой шинели сопряжена со сценой, когда Беликов, близкий к сладостным брачным узам, изгоняется из дома невесты. Фиаско мечты приводит и к невозможности дальнейшего существования. «Почти одинаковая концовка обоих рассказов и жизненного пути героев: спуститься по лестнице, вернуться домой, слечь в постель и уже более не вставать – еще раз подчеркивает сходство двух сюжетов: пустая, бессобытийная жизнь маленького человека, расцвеченная только одним каким-то странным «знаковым» увлечением «не от мира сего»; попытка выйти в жизнь и стать «как все люди», обзавестись женой или новой шинелью; как месть за эту измену своему призванию мгновенное потрясение и смерть, виновниками которой становятся «сильные», «большие» люди» [5].

Творчество А.П. Чехова можно считать закрытием темы «маленького человека» в XIX веке. Писатель вступает в полемику со своими предшественниками, выступает как пересмешник устоявшихся канонов и шаблонов, показывает перерождение характера «маленького человека», его «червеобразность». В «Смерти чиновника» (1883) пародируется гоголевская «Шинель»: историю о шинели заменяет анекдот о чихании в театре, а Червяков, деградирующий потомок Башмачкина и Девушкина, умирает от окрика генерала. Он умирает не из-за страха, а потому что ему было отказано в праве на пресмыкательство. Если Башмачкин еще может вызывать жалость, то после Червякова жалеть бедного чиновника стало невозможно, поэтому можно говорить о смерти традиции или ее переходе в иное качество.

Чехов устранил жалкие житейские условия, в которых живет «маленький человек» Гоголя и Достоевского. Это позволило ему перенести акцент с причин внешних (общественно-социальных) на внутренние (психологические и нравственные), коренящиеся в душе «маленького человека». Червяков унижает свое человеческое достоинство настойчиво и по собственной воле, писатель показывает, что он является чиновником не по занимаемому положению в обществе, а по своей внутренней нравственно-психологической сущности. Он не личность, а персонификация бюрократической системы, основанной на преклонении низестоящих перед вышестоящими, независимо от индивидуальных качеств и заслуг.

Червяков занимает должность чиновника-эзекутора, который состоит при канцелярии или служит в присутственном месте, в чьи обязанности входит исполнение чужих приказов без обдумывания. В конечном итоге такое исполнительство без думы приводит к раблепии и холопству, обратной стороной которых является насилие. Неслучайно Чехов

дает ему должность экзекутора. Это слово родственно слову «экзекуция», которое означает телесное наказание или исполнение судебного или административного приговора (казни, изъятия имущества).

Чехов изобразил универсальный психологический тип чиновника по природе, холопа по натуре и пресмыкающегося существа, тип, который может появиться в любой стране, при любом государственном строе, в любое время. В таком качестве он бессмертен и вечен. Гоголь и Достоевский открыли в бедном и одиноком чиновнике человека, Чехов показал, что «маленький человек» не меньше, чем всякий иной, способен быть чиновником по своей природе.

Чехов увидел в унижении «маленького человека» весьма страшную сторону: человек сам признает себя «маленьким», сам добровольно пресмыкается и страшно переживает, если его подозревают в нежелании унижаться. «Маленькость» – не только и не столько продукт социальных отношений (как трактовала проблему русская классическая литература), сколько ставшее уже неотъемлемой частью психики внутреннее самоощущение, некое закрепившееся за человеком душевное уродство, рабство.

Чеховский «маленький человек» превратился в мелкого человека, он унижается добровольно, он не только осознаёт свою мелкость, но и не пытается «выдавливаться» из себя раба. Большинство персонажей писателя первой половины 1880-х годов – мелкие чиновники Червяковы, Подзатылкины, Козьявкины – яркая иллюстрация того, как в эпоху безвременья мельчает и дробится человек.

У «маленьких людей» обычно говорящие фамилии, ведь имя, род «обеспечивают некую линейно предопределенную заданность поведения и облика» [6, с. 435]. Также имя может предопределять дальнейшую судьбу человека: «меняя имя, герой избирает для себя и своих потомков новый фатум» [6, с. 436]. Интересно проследить зависимость вариаций типа «маленького человека» от данной писателем персонажу фамилии.

Башмачкин: семантика заниженная, в прямом значении, башмаками топчут, их стаптывают, они близко к грязи, к пыли, к низу (впрочем, в тексте повести рассказчик сам выступает в роли толкователя происхождения фамилии); суффикс «к» также выполняет функцию уничижения. Голядкин: семантика от «голяда» – голь, нищета, но опять, по традиции, заданной Гоголем, суффикс «к» умаляет человека. Карандышев: семантика из области канцелярской мелочи, а если глубже – в фамилии сфокусирована генетическая профессия «маленького человека». Девушкин: чистота, целомудрие, жизненная неприспособленность, но рифмуется с – Башмачкин, Голядкин – тот же уменьшительно-уничижительный суффикс. Поприщин: от «поприще», семантика несоответствия гипертрофированных запросов и реального статуса ее носителя, фамилия как антитеза Башмачкину – от низа к верху – претензия на пьедестал. Передонов: фамилия явно неблагозвучная для русского уха, слышится в ней параллель с Поприщиным. Червяков: в фамилии занижающая метафора. Червяков – развитие Башмачкина в сторону уничижения. Червяк еще ниже башмака, под башмаком. Смерть и там и там наступает после крика «значительного лица». Но смерть Акакия Акакиевича освящает его жизнь, бросает на нее отсвет жития. Смерть Червякова, совсем не вызывающая жалости, только смешна. Налицо десакрализация смерти ничтожного существа.

Макар Девушкин не умирает, он обмирает, пережив духовную смерть, когда, увидев себя в зеркале, осознает свою ничтожность. Для него смерть – это утрата человеческого достоинства, «амбиций». Подобное чувство испытывает современная героиня повести Е. Чижовой Нюточка. Башмачкин лишен самосознания, только одно чувство присуще ему в полном объеме – страх. Он умирает от страха перед «значительным лицом». Чехов все переворачивает: у него виновата не социальная система, а сам человек. Писатель высмеивает «маленького человека» за его пресмыкательство и добровольное самоуничижение. Все «маленькие люди» XIX в. умирают, когда лишаются смысла жизни, только смысл жизни у всех разный: для пушкинского Евгения смысл жизни заключается в любимом существе, для Башмачкина – в надежде на осуществление мечты, для Девушкина – в человеческом достоинстве, для Червякова – в сладости пресмыкательства. Таким образом, тип «маленького человека», заданный Гоголем, к концу XIX в. реализовывался в реалистической литературе в разных вариантах: из жертвы системы, вызывающей сострадание и жалость, он превратился в рабски приниженное существо, которое можно только презирать.

Свое прочтение темы «маленького человека» предлагает серебряный век. Разрыв с традицией для модернизма еще не означал ее преодоления. Вступая в диалог с традицией, модернизм ее переосмысливает, оспаривает или пародирует. Во многих смыслах пограничным произведением стал «Мелкий бес» (1902–1905) Ф. Сологуба, представляющий собой диалог с реалистической прозой XIX века. Уже в самом названии романа «Мелкий бес» заложена проекция сути главного персонажа, который весь соткан из реминисценций и аллюзий, отсылающих к его предшественникам. Если Достоевский сумел показать в образах «маленьких людей» их скрываемые и потаенные амбиции, то Сологуб вынес их на поверхность. Смыслом жизни, «шинелью» Башмачкина становится для Передонова, главного персонажа романа, чин инспектора гимназий. Передонов – ничтожное создание, распираемое от амбиций, считающее себя исключительным и мыслящее себя «большим». Сологуб противопоставляет видимость сущности.

В рассказе Сологуба «Маленький человек» (1907) главный персонаж, выпив капли жены, мельчал, мельчал пока совсем не исчез. Его исчезновение можно считать своеобразной точкой в модернистском истолковании реалистической традиции. Позже в европейской литературе Кафка в рассказе «Превращение» (1915) покажет, как человек постепенно становится насекомым, которое в итоге смели венником и выбросили в никуда.

Модернистское развитие традиции Гоголя проявилось в романе А. Белого «Петербург» (1913–1914), в котором показан конфликт между отцом и сыном Аблеуховыми (тоже говорящая фамилия, семантически связанная с оплеухой, пощечиной). В лице отца-сенатора изображена деградирующая петербургская аристократия. Ему противопоставлен сын – бунтарь-одиночка. Роман является модернистской пародией на пушкинскую поэму и одновременно экспериментальным развитием гоголевской традиции.

Но поставленная точка в традиции не означала исчезновения «маленького человека», можно сказать, что он изменился, приспособился, поменял одежды. Проблемное время рубежа веков рождало экзистенциальные настроения. «Маленький человек» – это уже не столько социальный тип уязвимого и беззащитного бедного чиновника, это человек вообще: он слаб и беззащитен перед мировыми катаклизмами и катастрофами, переломами, судьбой, Вселенной.

В русской литературе советского периода тип «маленький человек» словно выпадает из поля зрения. Это связано с двойственным положением простого человека в социалистическом обществе. С одной стороны, человек как личность, как индивидуум не играет главной роли, человеческое «я» заменяется коллективным «мы», человек превращается в винтик, в песчинку, ценность отдельной человеческой личности практически сводится к нулю. С другой стороны, каждый конкретный человек, принадлежащий к большинству, ощущал свою необходимость, востребованность в достижении общей цели. К этой объединяющей всех цели и следовать надо было сообща, всем вместе. Достижение общей цели гарантировало улучшение всеобщей жизни. Поэтому на десятилетия угасает интерес к человеку в его экзистенциальном аспекте. Когда в 1960-е годы миф о коммунизме перестает удовлетворять массы, просыпается и интерес к отдельному человеку, к его проблемам и мыслям. Принцип «всем миром», который срабатывал в послереволюционные годы и послевоенные годы разрухи, перестает работать, происходит поворот к индивидуальности. Отдельный человек вновь начинает осознавать свою автономность, свою отдельность от массы, свое одиночество в мире. Но в гоголевском понимании тип «маленького человека» в русской литературе претерпевает изменения и проявляется в основном в «деревенской» прозе. Он представлен, как правило, женскими образами. Катерина в «Привычном деле» (1966) Василия Белова, Матрена в «Матренином дворе» (1959) Александра Солженицына, Анна в «Последнем сроке» (1970) Валентина Распутина – «маленькие люди», зависящие от государственной и местной власти, от катаклизмов истории. Но в них писателями подчеркивается терпение, трудолюбие, способность сохранять человеческое достоинство в самых неблагоприятных условиях. Именно этими качествами они противостоят давящей Системе.

Тема «маленького человека», казалось бы, исчерпанная в гоголевском варианте к концу XIX в., в начале XXI ст. получила второе дыхание: современные авторы охотно обращаются к этому гоголевскому образу, универсализм которого позволяет раскрыть «человека вообще и его извечную судьбу в мире» [1, с. 100]. Нельзя не обратить внимание на то,

что все современные писатели, обращающиеся к образу «маленького человека», постоянно маркируют свою причастность к гоголевской традиции вещным символом – шинелью, которая является признаком художественной рецепции Гоголя.

Современные писатели В. Пьецух, Е. Чижова, Е. Шварц, М. Кураев, наследуя именно гоголевскую традицию, каждый по-своему актуализирует образ «маленького человека». В центре внимания современных авторов находится наш современник, унаследовавший типичные черты данного образа: социальное положение, одиночество, бедность, отчужденность, узость кругозора. Все они ведут незаметную жизнь, никому не мешая, но и не вызывая ни в ком интереса. Но однажды наступает момент, когда какое-то событие, на первый взгляд, совершенно будничное и незаметное, переворачивает их жизнь, наполняя ее духовным содержанием.

Следуя гоголевской традиции, современные авторы во многом пользуются теми же художественными приемами при создании образа «маленького человека». В портрете «маленького человека» подчеркивается его незначительность, малозаметность, отсутствие ярких черт. Практически всегда делается акцент на жалкость его внешнего облика. Интерьер, в котором живет современный «маленький человек», отличается убогой прочностью, стабильностью, косной неподвижностью вещей. Эмоциональный мир «маленького человека» – духовное убожество, внутренняя дряблость, отсутствие сопротивления среде. «Маленький человек» находится в состоянии непреодолимого одиночества.

Авторское отношение к современному «маленькому человеку» может быть различным: сочувственным, жалостливым, ироничным или выражающим презрение, но всех современных писателей объединяет болезненная реакция на измеление человеческого духа.

Список использованной литературы

1. Маркович В. Петербургские повести Н.В. Гоголя / В. Маркович. – Л.: Художественная литература, 1989. – 208 с.
2. Назиров В. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Назиров. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. – 45 с.
3. Вайскопф М. Поэтика петербургских повестей Гоголя / Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 568 с.
4. Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1952. – Т. 3. – С. 141–174.
5. Эпштейн М. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина–Беликова / М. Эпштейн // Вопросы литературы. – 2005. – № 6. – С. 193–203 // Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/ep7.html>
6. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст / М. Вайскопф. – М.: Изд-во РГГУ, 2002. – 686 с.

У статті досліджується генезис образу «маленької людини» у російській літературі. Визначаються характеристики образу «маленької людини» як позачасового, позанаціонального літературного типу. Аналізується специфіка даного образу у творчості О.С. Пушкіна, М.В. Гоголя, Ф.М. Достоєвського, А.П. Чехова.

Ключові слова: образ «маленької людини», літературний тип, психологічний тип героя, романтична традиція.

The paper investigates the origin of the image of the «little man» in Russian literature. It describes the image of the «little man» as atemporal, non-national literary type. The researcher analyses the specific character of this image in Pushkin's, Gogol's, Dostoyevsky's and Chekhov's works.

Key words: the image of the «little man», literary type, psychological type of hero, romantic tradition.

Надійшло до редакції 8.02.2011.